

МЕЗОКОСМ И АНТРОПОКОСМ: КОГНИТИВНЫЙ, ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Мезокосм, по Г. Фолльмеру, который ввел в оборот это понятие, – «когнитивная ниша человека». Это мир средних размерностей, средних величин и скоростей, который наш мозг воспринимает посредством органов чувств и к которому человек эволюционно приспособлен. Но с развитием культуры человек преодолевает тесные границы мезокосма своей мыслью, создавая новый человеческий мир. Для обозначения этого мира вводится новое понятие – антропокосм. Мезокосм и антропокосм находятся в сложных отношениях части и целого, поскольку частично мезокосм входит в антропокосм и является как бы фундаментом для построения последнего.

Ключевые слова: мезокосм, антропокосм, эволюция, сознание, феномены сознания, конструктивизм.

Что представляет собой интеллектуальная среда обитания человека? Теоретически, эстетически, социально освоенный мир, за пределами которого неведомое? Насколько он сам изведен, этот мир, и в каких отношениях с человеком находится? При каких условиях постигается, что означает для человека его красота и как соотносится она с познанием? Развивая понятие антропокосма – мира, трансцендентально конструируемого человеком в процессе познания, прослеживая его связь с понятием мезокосма – мира, к которому человек эволюционно приспособлен, и привлекая данные эстетики, в этой работе авторы пытаются ответить на данные вопросы.

Понятие мезокосма

Мезокосм, по Г. Фолльмеру, введшему в оборот это понятие, – «когнитивная ниша человека» [1, с. 195]. Это мир, который наш мозг воспринимает посредством органов чувств [1, с. 195]. Это мир средних размерностей, он средний между макрокосмом (Вселенная) и микрокосмом (микроскопические объекты и процессы). По Фолльмеру, именно к мезокосму приспособлено повседневное восприятие человека, приспособлено в процессе биологической эволюции, таким образом, донаучный опыт и здравый смысл являются компонентами эволюционного приспособления человека. Фолльмер предполагает, что субъективные структуры донаучного познания (в том числе восприятие) приспособлены к тому миру, в котором они развивались, т. е. мезокосму [1, с. 198–199]. Фолльмер говорит, однако, что именно поэтому структуры познания человека не могут соответствовать всем реальным структурам и не пригодны для познания того, что выходит за рамки мира, к которому человек эволюционно приспособлен [2, с. 211].

«Мезокосм – это мир средних размерностей: мир средних расстояний, времен, весов, температур, мир малых скоростей, ускорений, сил, а также мир умеренной сложности. Наши познавательные структуры созданы этим космосом, подогнаны к нему, для него и посредством него отобраны, на

нем испытаны и оправдали свою надежность» [3, с. 231].

Г. Фолльмер отрицает пригодность познавательных структур, в ходе биологической эволюции приспособленных к мезокосму, для познания всех процессов, в том числе процессов микро- и макромиров.

Фолльмер пишет, что человек в своем обыденном опыте до сих пор живет в мире аристотелевской физики [1, с. 200]. Взаимосвязи этого мира, мезокосма служили для выживания человека, но с развитием ноосферы (В. И. Вернадский) мезокосм (как мир обыденного познания) стал тесен. Человек потому именно человек, что так или иначе трансцендирует мезокосм (как в физическом смысле – в науке, так и в эстетическом смысле – в искусстве и его восприятии).

По Фолльмеру, научные понятия и теории все больше отдаляются от повседневного языка и повседневного знания [3, с. 233]. Означает ли, что мир уже не стоит рассматривать как человекообразный? Авторы считают, что ни в коем случае. Ведь в соответствии в том числе с учением В. И. Вернадского на смену биологической эволюции пришла эволюция социальная, научная и культурная, несравнимая по темпам с биологической. Органы чувств успешно дополняются приборами, а область размерностей, о которых человек может рассуждать, строить гипотезы и теории, расширяется. Искусство как форма познания, в свою очередь, дает доступ к особому онтологическому срезу реальности – миру человеческого бытия. Человек трансцендирует границы своего мезокосма.

«...Человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу, перерабатывается научной мыслью социального человечества» [4, с. 26].

Трансцендирование мезокосма

Мезокосм – мир средних размерностей и умеренных сложностей. Каждое живое существо име-

ет свой «мезокосм» – воспринимаемый и осмысленный для него мир. Для человека это среда, к которой он в своем биологическом, телесном аспекте эволюционно приспособлен. В то же время это и ойкумена – освоенная и осмысленная человеком часть мира. Но если понимать мезокосм как мир средних размерностей и аристотелевской физики, то мы наблюдаем на протяжении культурной и научной эволюции человека преодоление мыслью мезокосма: культурное (включение в осмысленный человеком мир произведенных человеком «подручных» предметов и произведений искусства), научное – освоение человеком микрокосма и макрокосма как в интеллектуальных понятиях, так и в производимых научных приборах. При этом биологические, как и когнитивные, границы человека и его телесности не преодолеваются, но трансформируются, изменяются, оставаясь при этом границами, за пределами которых – неизвестное. Наука и искусство – проявления энантичности человека, взаимной трансформации его самого и его мира [5, с. 16–26]. Средствами культуры и науки человек вырывается из мезокосма, он трансцендирует его в определенных пределах, оставаясь принадлежащим ему. Все взаимодействие с миром для человека сводится к взаимодействию с интеллигибельным миром, миром, интеллектуально освоенным человеком, образующимся как путем познания мезокосма, так и путем преодоления его тесных для человека границ в силу когнитивных, а также творческих особенностей человека. В основе трансцендирования мезокосма лежит трансформация человеческих смыслов. Примеры таких трансформаций смыслов – смена «эпистем» М. Фуко, «парадигм» Т. Куна – все это изменение в осмыслении мира, а значит, может рассматриваться как трансформации мира человека. Но, выходя за пределы своей биологии, человек в определенном смысле и остается в ней, ибо именно преодоление границ мезокосма есть проявление его биологической природы, заложено в нем биологически как неотрывная его причастность мезокосму, ведь само биологическое тело человека является мезокосмическим объектом. В том числе поэтому трансцендирование мезокосма для человека всегда экзистенциально ярко окрашено, что проявляется в творчестве (наука, искусство), а также в пограничных ситуациях.

При этом если в основе эстетического чувства лежит человекообразность, то за культурным преодолением мезокосма следуют трансформации понятия о прекрасном, изменения эстетических норм.

Итак, мы трансцендируем мезокосм, строя наш человекообразный мир, охваченный человеческим разумом. В этот мир входят микромир и макромир настолько, насколько их образы-понятия

присутствуют в сознании человечества. Мезокосм человеку тесен. Человек выходит за его пределы в науке, искусстве, даже в повседневном существовании.

Мир осмысляется в образах и понятиях, которые человекообразны хотя бы потому, что конструируются человеком. Образ и понятие человеческого тела входит в мир человека и занимает в нем прочное место, с этим образом-понятием соотносятся все другие понятия, включая повседневные и научные. Интеллигированное (о-смысленное) тело человека – образующий фактор для человеческого мира. В образовании же самого этого образа-понятия играет не последнюю роль воображение.

При этом восприятие даже современного человека синкретично, мир человека целостен за счет вдействия в него сознания и одновременного построения его сознания, вдействия сознания в то, что им же и построено.

Итак, человеческий мир, человекообразный мир – интеллигибельная среда о-своенная и осмысленная человеком. Смыслы как результат рефлексии порождают его. Мы отличаем понятие мира человека от понятия жизненного мира, поскольку, в отличие от жизненного мира он ассимилирует теории наук, философские системы, художественные произведения – все, что, являясь результатом рефлексии, расширяет его границы и трансформирует его. Так и мезокосм преодолевается всем, о чем человек размышляет и что он представляет себе тем или иным образом, в том числе в процессе научного познания микроскопических и макроскопических объектов, трансцендируется в степени о-своенности соответствующих им смыслов. Такое теоретическое освоение данных объектов открывает путь к оперированию с ними и, значит, включает в человеческий мир.

Человеческий мир, образующийся в результате выхода мысли из рамок тесного для человеческого разума мезокосма, и сам мезокосм сливаются, образуя сложную целостную систему трансцендентальных смыслов сознания, для обозначения которой вводится новое понятие – антропокосм. Мезокосм органично входит в антропокосм и как часть последнего так же трансцендентально конструируется сознанием.

Одной из разновидностей связей, отвечающих за целостность антропокосма, являются ассоциации – мгновенно возникающие сродства, связи смыслов в потоке сознания, где смысл понимается как результат рефлексии и как единица любого осмысления. Человеческий мир скреплен связями, которые мы называем ассоциативными, хотя, возможно, следует назвать их как-то иначе, например феноменообразующими. Антропокосм как фено-

мен целостен благодаря этим связям. Это связи смыслов в сознании, отражающие человекообразность антропокосма, являющуюся одновременно когнитивной и онтологической. Познавая мир, человек познает себя, строя антропокосм и входящий в него мезокосм как свой мир, человек вдействуется в него, оперирует с ним и мысленно, и физически. Не о-смысленная вещь бессмысленна для человека, не о-смысленные явления остаются для него чужими, выпадают из целостности, а значит, человек не может ими оперировать. Но наступает момент включения таких аномалий в теорию, их ассимиляция антропокосмом сначала научного сообщества, затем всего человечества. Антропокосм меняет конфигурацию благодаря науке, философии, искусству – вообще культурной составляющей человеческого общества. При этом его биологический фундамент – мезокосм – остается, но теперь он интеллигирован, включен в систему понятий научных, философских, художественных, которые дают начало и одновременно включают в себя фолк-понятия как понятия здравого смысла, меняющиеся от эпохи к эпохе, благодаря все тем же культурным изменениям.

Орхан Памук в романе «Меня зовут красный» так передает ассоциативные связи смыслов:

«Цвет – это прикосновение к глазу, музыка глухих, слово, звучащее в темноте. Тысячи лет я слушаю, как в книгах и предметах разговаривают души – это похоже на гул ветра, – и потому смею утверждать, что коснуться меня – все равно что коснуться ангела. Я состою из двух частей: тяжелой – она здесь и разговаривает с глазами людей – и легкой – она летает в воздухе с вашими взглядами...

– Тогда объясни тому, кто ни разу не видел, чувство красного цвета.

– Если бы мы могли прикоснуться к нему кончиком пальца, было бы ощущение железа или меди. Если бы взяли в руку, обожглись бы. На вкус этот цвет оказался бы сытным, как соленое мясо. Он быстро заполнил бы рот. Запах у него резкий, как у коня. А если сравнить этот запах с цветком, то цветок оказался бы ромашкой, а не красной розой» [6, с. 220].

Постоянны ли, регулярны ли эти связи? Очевидно, нет. Но они являются тем «сцеплением мыслей» (как назвал ассоциации Д. Юм [7, с. 23]), которое рождает (здесь) художественное, творческое понятие красного цвета. И понятие это, будучи воспринято читателем, в свою очередь, может распаться и вновь образоваться в его потоке сознания. О таких ассоциациях можно сказать, что они отражают особые связи феноменологически понятия мира.

Целостность – очень важная черта, отличающая человеческий мир. Построенный из различных и

даже разнородных восприятий, впечатлений, мыслей, образов, понятий он отличается целостностью в системном смысле, где целое не равно сумме частей, но приобретает особые эмерджентные свойства. Являясь феноменом, антропокосм является в то же время сложной системой. И то, что верно для целого антропокосма, верно и для его органичной части – мезокосма, так же конституируемого сознанием, как феномен.

Можно возразить, что синестезийные и ассоциативные связи субъективны, не могут отразить связи объективного мезокосма. Но, когда мы говорим о нашем мезокосме по той причине, что он человеческий, разделение на субъективное и объективное теряет силу. С феноменологической точки зрения мезокосм онтологичен настолько же, насколько существует для сознания именно таким. Это мир «для нас». Наука, философия и искусство трансцендируют его, трансформируя при этом как часть целостного антропокосма, который на протяжении истории трансформируется весь неоднократно.

Здесь важно отличие трансформации от конструирования заново. Поскольку каждый человек и человечество в целом пришли в уже существующий социально осмысленный мир [8, с. 13–14], и это верно даже для древних людей, ибо некий мир уже существовал для них даже до возникновения синкретических искусств и мифов – мир, зависимый от их биологической организации, то мезокосм, как и весь антропокосм, органичной частью которого он является, не конструируется заново, постоянно трансформируется под воздействием культуры (науки, философии, искусства) и меняет свою конфигурацию. При этом он остается феноменологически понятием «миром-для-нас».

Мезокосм, как и антропокосм, имеет онтологическую и когнитивную стороны. Если мезокосм рассматривать феноменологически, эти аспекты совпадают. В феномене нет ничего, что не было бы явленным тем или иным образом сознанию. В этом смысле ассоциации, имеющие сложную природу и высветляющие скрытые стороны человекообразного мира, особые аспекты его человекообразности, играют и онтологическую роль, способствуя явлению в мир истины, добра и красоты.

В этом смысле философы и художники являют связи, следовательно, в каком-то смысле сотворяют их, но в каком-то проявляют уже просившееся быть явленным. Феномены трансформируются, поскольку трансформируется бытие человека, а феномены человекообразны.

«Поскольку все мы принадлежим одной Вселенной, – говорит Судзуки, – созданное нами может соответствовать тому, что мы называем объектами природы. Но не это главное в искусстве... Если кисть художника движется сама собой, рису-

нок сумиэ становится завершенной в самой себе реальностью, а не копией чего-то. И горы на рисунке реальны в том же смысле, как реальна Фудзияма, и облака, ручьи, деревья, волны, фигуры – все реально, так как дух художника побывал в этих линиях, точках, мазках» (цит. по: [9, с. 211]).

Это высказывание помогает понять, что значило искусство для японцев традиционного общества.

Но и в современном обществе искусство продолжает играть онтологическую и когнитивную роль, даже еще в большей степени беря ее на себя, являя интерпретатору творческого произведения (читателю, слушателю, зрителю) до сих пор не прочувствованные ими аспекты человеческой экзистенции – их собственной экзистенции, и в то же время бытия человека вообще, трансцендентального субъекта. Поэтому искусство также является преодолением мезокосма, понятого биологически, т. е. как мир средних размерностей с аристотелевскими законами, к которому человек эволюционно приспособлен. Искусство являет человеку нечто за пределами обычного мира, мира повседневности. При этом мезокосмические объекты становятся «точкой опоры» и отталкивания для трансцендирующего мезокосм сознания. Так, Е. Н. Князева пишет, что познание и творчество ситуационно, встроено в некое «здесь и теперь», связанное с биологическим телом индивида [10, с. 47]. Это значит, что и познание и творчество зависят от взаимоотношения человека с мезокосмом, от укорененности в нем.

Эстетический и экзистенциальный аспекты.

Онтология мезокосма

Итак, мезокосм человека, по Фолльмеру, – когнитивная и онтологическая его ниша. Но, созерцая мезокосмические объекты: цветущий куст, травинку, ручей – объекты, близкие человеческой биологической нише, человек приоткрывает для себя пласт собственного бытия – не узколичностного, но общечеловеческого, выходит на трансцендентальный уровень, строит (трансформирует) антропокосм. Природа и ее объекты, будучи принадлежащими к мезокосму человека, на протяжении тысячелетий выполняли и выполняют эту когнитивно-онтологическую функцию – их напряженное созерцание переживается человеком как особый экзистенциальный момент, пограничная ситуация именно потому, что человек здесь «встречается лицом к лицу» с собственным бытием, обретает трансцендентальный опыт познания бытия общечеловеческого, трансцендируя мезокосм.

Так, в Японии издавна практикуется традиция созерцать цветущую сакуру. Это становится философским занятием постижения быстротечной красоты человеческого существования. Сакуре посвящают стихи.

«Разве не в шуме бамбука путь к просветлению? – говорил Догэн. – Разве не в цветении сакуры озарение души?» (цит. по: [9, с. 208]).

***

Я видел, они расцвели,
Ветки вишневых деревьев,
Но в сумраке еле сквозят, –
Благоуханная дымка
На вечеряющем небе.
(Фудзивара-но Садаиэ)

Созерцание сакуры становится тем, что объединяет людей, напоминает, что все равны перед открытостью человеческого существования красоте и смерти:

* * *

Чужих меж нами нет!
Мы все друг другу братья
Под вишнею в цвету.
(Исса)

В природных объектах человек, как в зеркале, видит весь драматизм собственного бытия:

* * *

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер!
(Басё)

Судзуки пишет об этом стихотворении: «Простота формы не означает тривиальности содержания. Есть в этом одиноком вороне, застывшем на голой ветке, великое Над. Все вещи появляются из неведомой бездны тайны, и через каждую из них мы можем заглянуть в эту бездну. Вам не нужно сочинять огромную поэму из сотни строк, чтобы дать выход чувству, которое появляется, когда заглядываешь в бездну. Когда же чувства достигают высшей точки, мы замолкаем... И семнадцати слогов бывает много. Художник дзэн двумя-тремя словами или двумя-тремя ударами кисти способен высказать свои чувства. Если он выразит их слишком полно, не останется места для намека, а именно в намеке заключена вся тайна японского искусства» [9, с. 208].

Итак, природа и ее объекты являют для человека возможность познания связи истины, добра и красоты. Их роль для человеческого мира не только когнитивна и онтологична (мезокосм), но и этична и эстетична (антропокосм, включающий в себя мезокосм, как преодоленный в своих границах). Это – разные аспекты одной возможности особого экзистенциального состояния – познания самого себя в своем общечеловеческом бытии, выхода в трансцендентальное и пребывание в нем.

Природа издревле была образцом и источником для развивающихся искусств. Так, в стихотворном искусстве Японии определенные природные мотивы – то же цветение сакуры, таяние снега, крик кукушки – являются традиционными обозначениями определенных жизненных ситуаций и состояний автора – лирического героя.

Но не только объекты природы в японской поэзии несут такую экзистенциально-когнитивную нагруженность. В японских стихотворениях появляется хижина, рукав возлюбленной, лодка на берегу – человеческие артефакты. Мезокосм расширяется и включает уже не только природные объекты – среда человека начинает строиться им самим. Очень давно это было.

Сейчас творчество и результаты творчества соперничают с природными объектами в их экзистенциальной роли. Познают бытие человека художник, композитор, поэт, архитектор, создавая свои произведения. Познают его и слушатель, читатель, зритель.

Биологической средой обитания человека – его мезокосмом – становится не лес, поле, степь, но город, самым им построенный, в том смысле, что он редко созерцается так, как созерцалась природа – с выходом в трансцендентальное общечеловеческое бытие.

И все потому, что город для человека не объект, не предмет. Это сам человек, его продолжение, самая внешняя оболочка его телесности. Так, в книге И. А. Бесковой, Е. Н. Князевой, Д. А. Бесковой «Природа и образы телесности» телесность понимается как существующая в разных ипостасях, обеспечивающая бытие субъекта в объектном мире. В книге развивается феноменологический подход к телесности, когда феномен телесности понимается как феноменологическая реальность, представляющая собой сочетание биопсихосоциальных аспектов телесного бытия субъекта в физическом мире. Граница телесности рассматривается при этом как двусторонняя структура, одной своей стороной обращенная к внешнему миру, а другой – к внутреннему миру субъекта [11, с. 329]. Внешней границей телесности исследователи называют психическую репрезентацию поверхности тела-организма. Внутренней границей – «феноменологическую психическую репрезентацию границы активности субъекта в физическом мире, основанную на балансе автономности/предсказуемости» [11, с. 329]. При этом внутренняя граница телесности выходит за рамки тела-организма и является в определенной степени изменчивой, подвижной, включая в себя элементы среды обитания. При этом авторы также рассматривают человеческую телесность как сложное целостное явление, отмечая системное строение телесности. Они выделяют

«феномен культурного тела». Как один из слоев телесности рассматривается дом, жилье человека, как его овеществленная индивидуальность. Дом рассматривается как внешняя граница человеческой телесности. Город – как естественная среда обитания человека. Но, поскольку границы-слои человека размыты, переходят отчасти друг в друга в человеческом восприятии, то город, составленный из домов, город, в котором стоит дом, также может стать внешней границей телесности, а значит, восприниматься человеком не как внешняя среда, но как продолжение его самого.

«В культуре и архитектуре постмодернизма заключен парадокс, базирующийся на двух взаимоисключающих основах: принципе бесконечной дифференциации, фрагментации и принципе тотальной глобализации. С одной стороны, пафос возвеличивания частного, индивидуальности, соответствующий выделению субъекта из внешнего мира, с другой, – размывание границ субъекта с окружающим миром, нивелирование самих законов субъект / объектного членения реальности. Именно этот неразрешимый парадокс лежит в основе основных проблем человека эпохи постмодернизма: трудность самоидентификации, в том числе телесной, и экзистенциальное одиночество» [11, с. 418].

И все же для того, чтобы в созерцании открылись трансцендентальные истоки бытия субъекта, вначале нужно нечто, что воспринимается как объект, хотя в итоге созерцания субъект может почувствовать исчезновение границ и свою слитность с созерцаемым.

Современный город чаще носит утилитарный и не эстетический характер. Но там, где город становится произведением искусства, где архитектор строит здания, одержимый порывом творчества, или где в таком состоянии поэт созерцает город, там и город приобретает когнитивно-онтологическую функцию мезокосмического объекта, отталкиваясь от которого, сознание может трансцендировать мезокосм, выходя в целостный антропокосм, поднимаясь на трансцендентальный уровень.

* * *

Тянутся, тянутся без конца
Бурого цвета кирпичные стены,
Но дымно-лиловыми
Стали они
В этот долгий весенний день!
(Исикава Такубоку)

* * *

На грязные стены из кирпича
Падает мягко
И тает.
Падает, весь растает и вновь
Летит весенний снежок.
(Исикава Такубоку)

Творя, человек познает реальность своего бытия и в то же время трансформирует, изменяет, строит заново. Эта перестройка бытия человека происходит на трансцендентальном уровне, уровне трансцендентального субъекта общечеловеческого познания, бытия и познания бытия. Так эстетическое – красота – тесно связано с истиной и познанием. Так результаты науки и искусства включены в антропокосм, становятся антропокосмическими феноменами наряду с мезокосмическими объектами природы.

Телесность в мезокосме

И тело, и мезокосм, в который тело входит, представляют собой феномены. Среди механизмов их интеллигирования – ассоциации – сродства элементов-смыслов в потоке сознания. При этом некоторые сродства действительно (как считают психологи) образуются благодаря условному рефлексу. Но к некоторым сродствам условный рефлекс может не иметь отношения, тем не менее элементы-смыслы обнаруживают тенденцию к «слипанию» друг с другом в процессе выстраивания образа-понятия. Можно предположить, что механизм таких ассоциаций тот же, что и у синестезии, он способствует синкретическому восприятию мира и таким образом творению целостного мезокосма и антропокосма.

Мезокосм сам является невероятно сложной системой, сочетающей в себе материальные и идеальные стороны – телесность и духовность – в их неразрывном единстве.

Творчество – способ поддержания самоидентичности, в том числе когнитивной как познание самого себя, составление о самом себе понятия («я-образ»). «Я-образ» – понятие психологии. «Я-концепцию» («я-образ», образ «я») определяют как систему представлений индивида о себе самом, осознаваемую, рефлексивную часть личности. Эти представления о себе самом в разной степени осознанны и обладают относительной устойчивостью. В структуру «я-образа» включают когнитивный компонент (характеризует содержание представлений о себе); эмоционально-оценочный компонент (проявляется в системе самооценок); поведенческий компонент (характеризует проявления первых двух в поведении). «Я-образ» рассматривают как динамическую систему. Представления человека о себе постоянно меняются не только на протяжении детства и подросткового периода, о чем пишут наиболее часто, но и во взрослой жизни, особенно у творческой личности «Я-образ» меняется с совершением каждого нового творческого акта.

Но как еще можно подразделить содержание «я-образа»? Думаем, можно сказать, что он содержит образ как ментальных характеристик человека, так и его тела. Образ тела является одним из

основных компонентов «я-образа» и складывается из представлений о реальных, а также и желаемых, воображаемых характеристик собственного тела. При этом если «я-образ» является понятием психологии, то образ тела может стать понятием и философии и литературоведения и ряда других дисциплин, как только мы осознаем, что существование образа тела и его функционирование означает обязательную интеллигированность (о-смысленность) человеческого тела, которое является для человека носителем смыслов как повседневных, так философских и художественных. Образ тела не отделен от тела как идеальное от материального, но является его частью, то, что происходит с образом тела, отражается на всем человеке.

Итак, образ тела может иметь нагрузку:

- повседневную;
- философскую;
- художественную.

Без интеллигированности человеческого тела, проникнутости его человеческими смыслами и воплощенности в идеализированном образе тела мы не могли бы совершить простейших повседневных действий: мы знаем, что ручку держат правой рукой, причем не какой-нибудь, а нашей правой рукой, частью нашего образа тела, знаем, как принимать пищу, как идти на работу и т. д. Интеллектуальная составляющая во всем этом, т. е. то, что в этих действиях участвует тело, проникнутое своим образом, не так заметна, как если речь идет о философских произведениях. Но все же и в повседневных действиях участвует интеллигированное тело.

Но обратимся к философским работам. Ф. Ницше, который вообще в своих работах относился внимательно к образу тела, писал: «Вы догадываетесь, что я не без благодарности хочу распрощаться с временем тяжелой хвори, выгоды которой еще и по сей день не оскудели для меня: равным образом догадываетесь вы и о том, что мне достаточно хорошо известны преимущества, которыми я при моем шатком здоровье наделен в сравнении со всякими мужланами духа. Философ, прошедший и все еще проходящий сквозь множество здоровий, прошел сквозь столько же философий: он и не может поступать иначе, как всякий раз перелагая свое состояние в духовнейшую форму и даль, – это искусство трансфигурации и есть собственно философия» [12, с. 495].

Так, тело, проникнутое собственным образом, о-смысленное, участвует в создании философских работ. С этой точки зрения телесная составляющая человека неотрывна от его философской позиции, творческих свершений, телесная составляющая инкорпорирована в результат творчества. Но и наоборот – умственная позиция человека о-духотворяет

тело, без осмысления (не всегда явного) которого человек не в состоянии выполнить простых физических действий.

Итак, интеллигированное тело входит в жизненный мир человека, является его частью. Но оно с необходимостью входит и в наши понятия мезокосма и антропокосма, участвует в освоении человеком его мира в эстетическом, когнитивном и онтологическом аспектах. Оно присутствует в мезокосме как трансцендентальном феномене также в своем трансцендентальном аспекте – как тело трансцендентального субъекта, имеющего дело с мезокосмом. То, какую роль в освоении мезокосма себе припишет человек, зависит и от того, как он представляет себе свое тело и тело человека вообще. Тело человека вообще воспринимается трансцендентальным субъектом так же, как трансцендентальный феномен явленности отелесненного бытия человека.

В человеческой телесности с позиции участия в освоении и сотворении мезокосма как части антропокосма особенно выделяется рука как представляющая активное отношение человека к миру, как представляющая телесность вообще в мыслительном плане.

Рука поэта, становящаяся символом определенного аспекта его бытия, а значит, приобретающая трансцендентальное значение:

* * *

Гляжу на свои
Грязью испачканные руки.
Как будто я вдруг увидел,
Что стало
С сердцем моим!
(Исикава Такубоку)

* * *

Запачканные руки
Я отмыл.
Такая маленькая радость!
За целый день
Одна-единственная радость!
(Исикава Такубоку)

Рука философа:

«...и здесь можно проследить, что я пытался проделать уже в другом месте, всю проблематику философской «метафоры», в особенности у Гегеля, который Begriff [понятие] представляет как духовную или интеллектуальную структуру «снятия» (aufhebend) чувственного акта Begreifens [схватывания], как схватывание, которое осуществляется во взятии, в захватывании, овладении, в приложении руки. Если имеет место мышление руки или рука мышления, как ее дает для мышления Хайдеггер, то эта рука уже не принадлежит к строю

понятийного схватывания. Она принадлежит, скорее, к существу дара (Gabe), к даванию, дарению (Gebung), которое – если бы это было возможно – отдавало бы, ничего не беря взамен» [13, с. 282].

Рука ученого, являющаяся в каком-то смысле носителем неявного знания, а также агентом освоения мезокосма в его научной ипостаси (М. Полани):

«Когда мы используем молоток для забивания гвоздя, наше внимание сосредоточено как на гвозде, так и на молотке, но по-разному. Мы следим за результатами наших ударов по гвоздю и направляем молоток так, чтобы забить гвоздь наиболее эффективно. Когда мы наносим удар молотком, мы чувствуем не только удар его ручки по нашей ладони, но удар его металлической части по гвоздю. Однако в определенном смысле мы прислушиваемся также к ощущениям, возникающим в кисти руки и в пальцах, сжимающих молоток» [14, с. 88].

«Обнаруживая корни личностного знания в периферическом осознании тела, которое является фоном для сознания, сфокусированного на внешних объектах, мы проясняем не только логическую структуру личностного знания, но и его динамические источники. Я уже проанализировал убеждения, которые лежат в основе использования некоторого объекта в качестве инструмента. В новой схеме, которую я только что обрисовал, внешний объект осмысливается благодаря тому, что он становится нашим собственным продолжением и в результате убеждения преобразуются в более активные интенции, пронизывающие все наше существо. В этом смысле я бы сказал, что объект превращается в инструмент, попадая в операционное поле, созданное нашим целенаправленным действием, и выступая в этом поле как продолжение нашего тела» [14, с. 95].

В свете последних двух цитат из Полани о личностном знании становится ясно, что передача учеными неявного знания «из рук в руки» – не совсем метафора, но носит и буквальный смысл. Метафоричность же этого выражения в том, что и здесь рука представляет всю телесность человека. «Из рук в руки» здесь означает – при личностном контакте, от одного тела к другому.

Рука становится символом эстетического, когнитивно-онтологического освоения человеком мезокосма, включающего и тело человека, поскольку феноменологически понятый мезокосм человека-размерен в качестве феномена человеческого сознания.

***

Итак, приспособление к мезокосму – результат биологической и культурной эволюции.

Каждодневное создание новых смыслов в сознании (трансцендентального субъекта) трансцен-

дирует тесные границы эмпирического субъекта, в том числе его «когнитивную брошенность» в мезокосм. Мезокосм тесен. И человек преодолевает его. Стояние вне мезокосма обеспечивается мезокосмическими объектами (объектами средних размерностей): стрелка прибора (наука), прелесть цветущего куста (искусство). Мезокосм становится «точкой отталкивания». Без причастности человека мезокосму не было бы и его трансцендирования. Взяв за точку опоры мезокосмические объекты, человек преодолевает не только «мир средних размерностей» но и мир обыденных взаимосвязей.

И если приспособление к мезокосму как миру средних величин является результатом биологической эволюции, то приспособление к антропокосму – результат культурной эволюции, энактивного вействования человека в мир [5, с. 16–26], в ходе которого рождаются наука, философия, искусство – все они работают с человеческими смыслами, из которых складывается мезокосм, динамический, постоянно изменяющийся, но остающийся целостной сложной системой феномен.

При феноменологическом рассмотрении мезокосма как сложного феномена, явленного для человека, и в то же время создаваемого им самим, в явлении которого человек принимает непосредственное участие, воспринимая его активно и трансцендируя его методами науки, философии, искусства, становится ясной связь эстетического и когнитивно-онтологического его аспектов. Эстетическое чувство возникает у созерцающего, читающего, слушающего, т. е. у воспринимающего мезокосмический объект (природный или сотворенный), когда восприятие этого объекта становится актом «познания самого себя» и вместе с объектом человек познает собственную бытийную ситуацию. Такое познание истины-красоты становится для воспринимающего особой экзистенциальной ситуацией, во многом – пограничной ситуацией. Мезокосм познается человеком в единстве его красоты, истины, истины его бытия и одновременно бытия

творящего его человека. Наедине с мезокосмом, как наедине с самим собой, человек творит и познает не как эмпирический субъект, но как субъект трансцендентальный и в то же время чувствующий свою ограниченность (не только как эмпирического, но и как трансцендентального субъекта). Ему становится ясна быстротечность и неустойчивость потока сознания, а вместе с ним самой жизни как истины и как красоты. Вместе с этим осознается и аспект вечности трансцендентального сознания как непреходящего и познающего «вечные истины». Одновременное восприятие этих двух сторон самого себя порождает сложные экзистенциальные коллизии, которые могут ощущаться как эстетические или как гносеологические акты, а иногда одновременно как те и другие.

В этом – диалектичность и динамичность мезокосма – в его постоянном становлении как воспринимаемого и творимого мира-для-человека, феномена сознания, в постоянных трансформациях, к которым приводят трансформации антропокосма (изменения в культуре – науке, философии, искусстве), в постоянном трансцендировании его в процессе конституирования антропокосма.

В данной работе авторы сосредоточились на конструировании и познании мезокосма и антропокосма методом искусства (поэзии, архитектуры). В последующих работах данного цикла больше внимания будет уделено философии и науке и их методам познания и трансформации мира человека. Будет развита мысль о том, что каждая выдвинутая научная гипотеза и поддержанная теория трансформируют антропокосм и мезокосм как его часть и, познавая, научное сообщество создает и трансцендирует его, отодвигая границы неведомого в кантовском смысле, т. е. не данного в непосредственном опыте.

Работа осуществлена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00813а «Эволюционное мышление как основание междисциплинарного синтеза знания».

Список литературы

1. Фолльмер Г. Эволюционная теория познания. К природе человеческого познания / пер. Е. Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 195, 198–199, 200.
2. Фолльмер Г. Эволюция и проекция. Начала современной теории познания / пер. Е. Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 211.
3. Фолльмер Г. По разные стороны мезокосма / пер. Е. Н. Князевой // Эволюционная эпистемология. Антология. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 231, 233.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Философские мысли натуралиста. М.: Академический проект; Киров: Константа, 2013. С. 26.
5. Князева Е. Н. Энактивный ум: новая конструктивистская парадигма в когнитивной науке // Психология и психотехника. 2010. С. 16–26.
6. Памук О. Меня зовут красный. СПб.: Амфора, 2011. С. 220.
7. Юм Д. Исследование о человеческом познании. М., 2009. С. 23.
8. Шюц А. Методология социальных наук // Избранное: Мир, светящийся смыслом / сост. Н. М. Смирнова; пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 13–14.

9. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. С. 211, 208.
10. Князева Е. Н. Автопоэзис мысли // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2008. Вып. 1 (75). С. 47.
11. Бескова И. А., Князева Е. Н., Бескова Д. А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 329, 418.
12. Ницше Ф. Веселая наука // Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 495.
13. Деррида Ж. Geschlecht II: Рука Хайдеггера // Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. С. 282.
14. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. С. 88, 95.

Моркина Ю. С., кандидат философских наук, старший научный сотрудник.

Институт философии РАН.

Ул. Волхонка, 14/1, стр. 5, Москва, Россия, 119991.

E-mail: morkina21@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.09.2013.

Yu. S. Morkina

MESOKOSMOS AND ANTROPOKOSMOS: COGNITIVE, ONTOLOGIC, AESTHETIC ASPECTS

Mesokosmos by G. Vollmer who has put into circulation this concept, – is a cognitive niche of the person. It is the world of middle dimensions, middle sizes and the speeds, which our brain perceives by means of sense organs and for which the person is evolutionary adapted. But with development of culture the person overcomes close borders of mesokosmos by means the thought, creating the new human world. For a designation of this world we enter new concept – antropokosmos. Mesokosmos and antropokosmos are in complex relations of a part and whole as partially mesokosmos enters in antropokosmos and is in some aspects the base to construction of antropokosmos.

Key words: *mesokosmos, antropokosmos, evolution, consciousness, consciousness phenomena, constructivism.*

References

1. Follmer G. *The evolutionary theory of knowledge*. To the nature of human cognition. (Russ. ed.: Foll'mer G. Evolutsionnaya teoria poznania. K prirode chelovecheskogo poznania. Per. s nem. E. N. Knyazeva. Evalutsionnaya epistemologia. Antologia. Moscow, Tsentr gumanitarnikh initsiativ Publ., 2012. Pp. 195, 198–199, 200.)
2. Follmer G. *Evolution and projection. Beginning of the modern theory of knowledge*. (Russ. ed.: Foll'mer G. Evolutsiya I proyektsiya. Nachala sovremennoy teorii poznania. Per. E. N. Knyazeva. Evolutsionnaya Epistemologia. Antologia. Moscow, Tsentr gumanitarnikh initsiativ Publ., 2012. P. 211.)
3. Follmer G. *On opposite sides of mesocosm*. (Russ. ed.: Foll'mer G. Po raznie storoni mezokosma. Per. E. N. Knyazeva. Evolutsionnaya Epistemologia. Antologia. Moscow, Tsentr gumanitarnikh initsiativ Publ., 2012. Pp. 231, 233.
4. Vernadsky V. I. Scientific Thought as a planetary phenomenon. *Philosophical thoughts of Naturalist*. Moscow, Academic Project, Kirov. Konstanta Publ., 2013. P. 26 (in Russian).
5. Knyazeva E. N. Enaktivny mind: a new constructivist paradigm in cognitive science. *Psychology and Psycho*, 2010. Pp. 16–26 (in Russian).
6. Pamuk O. *My name is red*. St. Petersburg, Amfora. TID Amfora Publ., 2011. P. 220 (in Russian).
7. Yum D. *The study of human cognition*. Moscow, 2009. P. 23 (in Russian).
8. Schutz A. Methodology of social sciences. *Selected works: The world, glowing with sense*. (Russ. ed.: Shuts A. Metodologiya sotsialnikh nauk. Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smislom. Per. s angl.il nem. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (ROSSPEN), 2004. pp. 13–14.)
9. Grigorieva T. P. *Japanese artistic tradition*. Moscow, Nauka Publ., 1979. Pp. 211, 208 (in Russian).
10. Knyazeva E. N. Autopoiesis of thought. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2008, vol. 1 (75), p. 47 (in Russian).
11. Beskova I. A., Knyazeva E.N., Beskova D.A. *Nature and images of corporeality*. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2011. Pp. 329, 418 (in Russian).
12. Nietzsche F. *Gay Science*. Works in two volumes, Vol. 1. Moscow, Misl' Publ., 1990. P. 495. (in Russian).
13. Derrida Zh. Geschlecht II: Heidegger's Hand. Heidegger M. *What Is Called Thinking?* Moscow, Tettitoria Budushchego Publ., 2006. P. 282 (in Russian).
14. Polani M. *Personal knowledge*. Moscow, ProgressPubl., 1985. Pp. 88, 95 (in Russian).

Institute of Philosophy of RAS.

Volkhonka, 14/1, Building 5, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: morkina21@mail.ru